

Четин ЖУМАГУЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАЛАССКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Мақалада Талас өзенінің бойынан табылған екі көне түркі руникалық ескерткіштерінің мағынасы мен жалпы Талас ескерткіштерінің кейінгі тағдыры туралы айтылады.

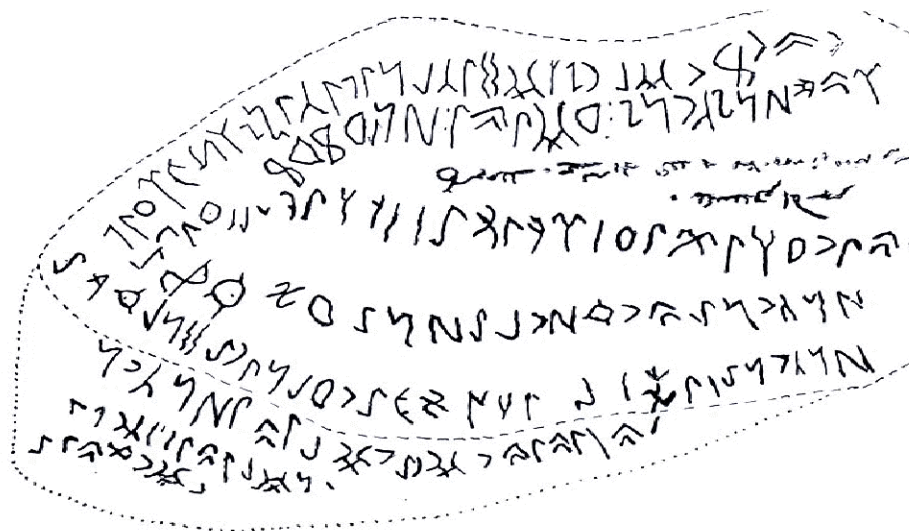
Yazar Talas nehri boyundan bulunan iki eski Türk runik abidelerinin anlamı ve bütün talas abidelerinin son yıllardaki durumunu söz etmektedir.

Таласская долина является одним из центров сосредоточения рунических памятников древнетюркской письменности. На сегодняшний день в этом регионе было найдено 13 валунов с письменами, 7 наскальных коротких надписей и знаков. Известная деревянная палочка и каменная маска (условное название) тоже были обнаружены в этих местах. Хотя эти памятники в своё время были широко освещены в научной литературе, особенно в востоковедческой среде, все же хочется дать некоторые справки-сведения для молодых тюркологов. Потому что статьи, сообщения и отдельные работы, посвященные к этой проблеме, сегодня стали библиографической редкостью и трудно их достать.

Первый памятник, найденный в 1896 г. в урочище Айыр-Там-Ой уездным начальником, активным членом Туркестанского кружка любителей археологии В. А. Каллауром при помощи местного учителя Гастева, сегодня находится в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга. Это явилось сенсационным открытием и было оценено достойным образом. Сообщение об открытии и копия надписи, направленные В. А. Каллауром в Ташкент сразу же было доложено заседании Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1896 г. [1]. По просьбе общего собрания кружка этот камень был перевезен в г. Аулие-Ата (совр. Тараз), потом был отправлен в Ленинград.

Второй таласский памятник (так в науке именуется) тоже был найден там же вблизи первого камня 5 мая 1898 г. В самом деле он был найден третьим, в один день с другим камнем, но почему-то вошел в историю как второй памятник. Но это не главное. Тогда же прибывшая сюда археологическая экспедиция финно-угорского научного общества (возглавляемая проф. Г. И. Гейкелем) нашла еще два камня с рунической надписью, которые названы четвертым и пятыми памятниками. Нам известно, что один из четырех камней по разрешению был вывезен в Гельсингфорс. Но какой именно памятник нам долгое время было неизвестно. В 1961 г. совместной эпиграфической экспедицией институтов Истории, Языка и литературы второй памятник был заново открыт. Это самый крупный валун по весу и количеству строк надписей пролежал надписью вниз 63 года на том же месте где первоначально был найден и

никто не подозревал столько лет, что здесь лежит ценный памятник для науки. Тогда же он осенью вместе с новыми находками (девятыми, десятыми и одиннадцатыми) был доставлен в столицу и сегодня находится в Центральном историческом музее. На материале этих новых находок тогда был оперативно подготовлен и выпущен сборник «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)». Там же была помещена наша статья «Второй таласский памятник» с новой прорисовкой (эстампом) текста, фотографией и чтением надписей (рис. 1, 2) [2].

В 1982 г. появилось в центральной республиканской печати сообщение, что возле сарая молочнотоварной фермы совхоза «40 лет Октября» вблизи г. Талас обнаружен валун с древнетюркской рунической надписью [3] при выравнивании ямы. Камень, видимо, долгое время лежал надписью вниз. При тщательном осмотре памятника мы убедились, что этот четвертый камень, впервые открытый экспедицией Г. И. Гейкеля [4]. Таким образом он вновь был открыт через 84 года.

До сих пор считалось, что все пять камней с надписями были обнаружены в урочище Айыр-Там-Ой (там же много позднее были найдены еще шесть памятников). Однако возникает вопрос, почему четвертый камень оказался в другом месте на южной окраине г. Талас расстояние около 10 км, между ними лежит р. Беш-Таш. По рассказам местных жителей, четвертый валун много лет лежал около сарая, рядом находился еще один подобный камень, якобы также с надписями (его позднее заложили в фундамент сарая). Если этот валун действительно много лет лежал на том месте, где был

первоначально обнаружен, причем рядом с ним мог находиться и пятый памятник. Однако до сих пор в литературе точно не названо место нахождения четвертого и пятого камней. Может быть оно указано в отчете самого Г. И. Гейкеля об археологических исследованиях в долине Талас, вышедшем из печати в 1918 г. [5]. Поэтому мы вправе считать, что впервые прорисовка текста памятника №4 была издана Гейкелем. Потом по ней дал свое чтение Ю. Немеет, потом по ней же С. Е. Малов дал чтение и перевод текста, разделив его на семь строк [6] (рис. №3). Наша прорисовка была сделана в 1982 г. и там же сфотографирован сам памятник (рис. № 4, 5). В действительности же на камне имеются две круговые строки и одна короткая сбоку. Камень обычный речной валун крепкой породы, светло-серый песчаник, размером примерно 100×50 см. Отдельные буквы более крупные, достигают высоты 13 см. В верхней части камня на ровной поверхности полукругом размещена первая строка. Ниже сбоку идет вторая длинная строка, в ней уничтожено несколько начальных букв, а также, по-видимому несколько знаков во второй ее части, хотя явных следов их не видно. Внизу на боковых сторонах сохранилось по несколько знаков, причем некоторые из них плохо прослеживаются. По нашей просьбе памятник потом был увезен отсюда и помещен возле кумеза Манас в Таласской долине и по сей день он находится там (рис. №6).

До С. Е. Малова перевод надписи №4 дали П. М. Мелиоранский [7] и Ю. Немеет [8]. Позднее он был переиздан И. А. Батмановым [9] и другими [10]. Прорисовка Г. Гейкеля, хотя мы не знаем в каких условиях была сделана, но она мало отличается от нашего эстампажа. В то же время мы не можем утверждать о том, что наша прорисовка была сделана в идеальных условиях. Нет. Чтобы получить тот нужный, правильный вариант копии потребуется несколько сеансов срисовки и пальпации в разных условиях и времени светового дня и не последнюю роль играет положение солнца, а также другие способы снятия.

Насколько нам известно, до начала 80-х годов прошлого столетия фотография памятника нигде не опубликовалась. Мы первый раз ее поместили вместе со статьей в «Известиях АН Кирг. ССР» [11]. По расположению текста памятник напоминает одиннадцатый памятник, найденный нами в 1978 г. [12]. Поскольку текст расположен необычно, порядок чтения определен нами по его смыслу. Первой идет верхняя, внутренняя круговая строка, конец ее находим в боковой строке. Вторую и третью строки можно было бы объединить в одну, поскольку по расположению они лежат на одной линии, только обрываются во второй ее половине. Не исключена возможность, что там были и другие знаки, но со временем они стерлись. Следует отметить, что большинства надписей на валунах таласской долины не имеет строгого канона в написании текста по определенной строке.

Текст:

- 1.
- 2.
- 3.

Транслитерация:

1. ТЫЧОРАОТУЗУГЛНСГЧЫГДРЫМ...[ША]СИЗА...
2. ...Л.?ТГРСЫЗАУГЛНЧУРУЛИУКЛМЫ[Ш]А...
3. ...КЛМЫША...

Транскрипция:

1. Аты чора отуз оглан сагчыгдарым[ша]сыза...
2. ...л?ӳрӳн сыза оглан чур улайу калмы[ш]...
3. калмыша...

Перевод:

1. Имя его – Чора. Тридцать огланов (сыновья?) (или племя *отуз оглан*), защитники (мой) остались (букв. расстались).
2. Вас... храбрый сын Чор наследуя осталася...
3. ... остался (осталась)...

По палеографическим особенностям надпись четвертого памятника не отличается скольконибудь заметно от остальных таласских надписей, но специфические графические варианты некоторых букв в ней имеются.

В 2003 г. мой старший друг коллега, тюрколог из Алматы А. С. Аманжолов опубликовал прорисовку надписи этого памятника, сделанной им самим по фотографии Е. Б. Саурынова (2001 г.) [13]. В интерпретации и чтении текста у нас есть некоторые различия. Это естественно.

Определенный интерес вызывает в этой надписи такие слова как *отуз оглан*, *чора*, *чор*, *сагдыч* и др. Словосочетание *отуз оглан* представлено в четырех памятниках, причем совершенно в одинаковом фонетическом оформлении. И каждый раз после них следовали слова *сагдычлары*, *сагчыгдарым*, *сагдычыгам*, *сагдычыл* (с орфографическими расхождениями). Такое частое обращение к словам *отуз оглан*, видимо имело какое-то особое значение в жизни людей, которые жили в этой долине и за ее пределами. На наш взгляд, это требует еще всестороннего, глубокого изучения. Нет ли здесь в самом деле связи с названием кыргызского племени *отуз уул*? В свое время на это обращал внимание С. М. Абрамзон, отмечая, что именно «там (в таласской долине – Ч. Дж.) сосредоточена весьма значительная часть кыргызов, относивших себя по происхождению к левому крылу группы *отуз уул*» [14]. В родословиях кыргызов встречаются название различных родов и племён. Среди них определенный интерес представляют этнонимы *отузуул*, *кара чоро*, *чоро*, *азык*, *адык*, *он ок*. Эти этнонимы, как отмечены выше, зафиксированы в рунических памятниках Таласа и Кочкора. В «Маджму аттаварих» (XVI в.) Сайфад-Дина Аксикенти кыргызские племена делится на группы *оу канат* (правое крыло) и *сол канат* (левое крыло). У одного из

основателей *оў каната* Ак уула был два сына Огуз огул и Солус-бек Булгачи (Бул(а)гачи). В исторических источниках кыргызские баатыры Адигине, Мунгуш, Кара багыш, Тагай упоминаются как дети Огуз уула. Там же указывается, что Кулан, Кылжыр, Богорстон, Кара Чоро, Саяк и Дөөлөс как сыновья Тагая баатыра [15]. Слово *чур – чор – чура – чора* в древнетюркских памятниках служило титулом и именем собственным [16]. *Чор* встречается во многих древнетюркских именах: *Бег-Чур, Кули-Чор, Моюн-Чор, Оглан-Чор, Кумар-Чор* и др. *Кара – Чоро, Чоро* присутствуют и в названиях киргизских этнонимов [17]. Один из первых просветителей, знаток киргизских родов и племён Осмоналы Сыдыков в своей книге «Мухтасар тарих Кыргызия», вышедшей в 1913 г. в Уфе (через год вышла там же под названием «Тарих кыргыз Шадмания») имена братьев Байчоро, Жанчоро, Карачоро от Арсданхана [18]. Слово *чоро* употребляется в эпосе «Манас» как определение ближайшего сподвижника богатыря. *Кырк чоро* ‘сорок чоро’ – так трафаретно именуются в эпосе соратники главного эпического богатыря: *ийдө жірсөү бир чоро, жоого чыксаў миў чоро* (‘дома ты – один чоро, когда идешь на врага, ты – тысяча чоро’) (фольк.) [19]. С. Г. Кляшторный как то отмечал, что «высшим титулом, который носили покойные князья, чьи эпитафии воздвигнуты в урочище Айыр-Там-Ой, был, судя по надписям, титул *чор*. Этот титул наследовался по прямой линии от отца к сыну» [20]. Что касается слова *сагдыч* (*сагдычлары, сагдычгам, сагдычыл, сагчыдар* в других памятниках) ‘защитник, страж, покровитель’ в эпиграфике оно отмечено только в таласских памятниках. Его нет в орхоно-енисейских надписях. В словаре Махмуда Кашгарского *сагдыч* имеет значение «верный друг» [21]: *Каршы кәріп сагдыч / аны учмак атар* ‘верный друг, увидев дворец, / назовет его раем’ (МК, III, 374). *Сагдыч* в значении «шафер» сохранилось в крымском диалекте [22].

Особо хочется сказать несколько слов о восьмом таласском памятнике. Он был найден археологом П. Н. Кожемяко в августе 1968 г. недалеко от города Талас. Валун продолговатой формы из крупнозернистого песчаника. В настоящее время находится в Центральном историческом музее (3-этаж). В том же году с предварительным чтением и переводом надпись была издана акад. И. А. Батмановым [23]. Прорисовка текста тогда была сделана в сжатые сроки в связи с подготовкой к изданию сборника некоторые места были срисованы условно (рис. 7). Мы это понимали и думали, что в скором времени вернемся специально для снятия более точного ее варианта. В результате вторая новая прорисовка была сделана нами и потом опубликована (рис. 8) [24]. В 1972 г. А. С. Аманжолов осмотрев этот памятник сделал свою прорисовку, оставив отдельные места надписи, отметив их пунктирами (рис. 9) [25]. Какая прорисовка наиболее точно отражает текст судить не мне. Как бы там ни было наше положение предпочтительнее, потому что эти памятники находятся всегда, как говорится, под рукой. Есть возможность в любое время без проблем

подойти и уточнить те или иные нужные места надписей. В свое время над вторым памятником мне приходилось работать несколько дней, даже месяц, чтобы снять копию надписи. В целом надпись сохранилось неважно. По этой причине работа над ней продолжается по сей день. Заодно хочу подчеркнуть, что прорисовки-эстампажа всех эпиграфических памятников Кыргызстана (кроме кочкорских) выполнены мною. На это дело было затрачено много сил и времени, можно сказать, целая жизнь. Несмотря на это некоторые мои коллеги по тюркологии осмотрев один раз или сделав прорисовки по фотографии (они имеют на это право) делают «существенных исправлений» и находят «пробелы» в чтении других исследователей.

Это естественно. Чтение или перевод того или иного исследователя, как бы они ни были, имеют право на существование. С. Е. Малов (его считали своим учителем наши великие кыргызские тюркологи И. А. Батманов, К. К. Юдахин, Х. К. Карасаев) публикуя свое исследование деревянной палочки из Таласа писал, что «...чтение и перевод памятника, сделанные мною, весьма и весьма предположительны. Здесь встречаются новые буквы с неизвестными для меня значением, а принимая во внимание вообще загадочность и ребусовидность небольших рунических надписей, - все вместе взятое определяет положение моего опыта перевода. Стало уже общим правилом, что первые переводы подобных небольших надписей, например на памятниках Енисея и Таласа, быстро забраковываются. Но как бы плохи эти переводы ни были, они все же помогают последующим ученым и приносят свою долю пользы... И если мой этот перевод не избежит обычной участи, то во всяком случае у меня здесь дается издание нового памятника, чтение которого по (фотографическому) воспроизведению здесь и по чертежу теперь является доступным каждому, желающему дать свой, более верный, чем мой перевод, и последующий исследователь не пойдет вторично по моему пути и избежит моих ошибок...» [26].

Уместнее было бы нашим (моим) оппонентам в таких случаях писать «Мы читаем эту строку следующим образом» или «наш перевод отличается тем то..., или наш перевод выглядит таким образом». Все же мне хочется здесь привести некоторые факты, чтобы читатели правильно поняли моих недоумений. В 1977 г. возглавляемая мною эпиграфическая экспедиция обнаружила в Таласской долине, в урочище Тынбас речной валун овальной формы с надписью (рис. 10, 11) [27].

Валун лежал на эспарцетовом поле в районе прежних находок, в северо-восточной части городища Кескен-Тобе. Лицевая его сторона заполнена круговой надписью, переходящей к боковой части. Параллельно боковой строчке идет другая, конец которой уходит на тыльную сторону памятника. В целом надпись сохранилась довольно хорошо. Поверхность камня не покрыта загаром и различными минеральными наслоениями. Это свидетельствует о том, что он долгое время лежал под слоем земли и на поверхности оказался сравнительно недавно.

В отличие от ранее найденных памятников текст данной надписи не имеет четких начал строк, поэтому предлагаемый нами порядок их расположения является чисто условным. Надпись эстампирована нами дважды.

Давая свой вариант дешифровки памятника мы сразу сказали, что он далеко не окончательный, изучение его необходимо продолжить. При этом мы обратили внимание и на отдельные детали, которые, необходимы при исследовании графического фонда тюркской рунической письменности. Взять хотя бы вариативность в написании буквы *м* (%, o, m) внутри даже такого небольшого текста, как это. По внешним палеографическим данным, данный памятник близок к восьмому. Это позволяет предположить, что и тот, и другой выполнен одним мастером или резчиком одной школы.

Площадь камня, занятая надписью, равна 95×40 см, высота букв от 5-6 до 13 см. Данный памятник сразу же был привезен нами в столицу и на скорую руку была расшифрована и опубликована нами в «Известиях АН Киргизской ССР [28].

Текст:

.....

Транскрипция:

- (1) kiçig kişim(a) tul qaldı(a) tur^a s^aq¹ ogl(i)ma
- (2) qum(a)r(u) çura (e)r(a)tım iş kulı(a) size özüme
- (3) uy(a)l(a)rum(a) ud at(a) ça ük(ü)zçe

Перевод:

- (1) Младшая жена (моя) осталась в печали (т.е. вдовой). Защитнику моего дома (или нашего жилища) сыну моему
- (2) Мой завет: Чура-мое геройское имя, раб дружбы (друзей), т.е. раб верности. Вам,
- (3) своим родственникам (скажу): следовать как отец, как ekiz.

Примечания:

Строка 1: (а) Выражение *младшая жена (моя) осталась в печали* (т.е. *вдовой*) в целом подчинено слову *tul qaldı*. Слово *tul* всегда относилось и относится к женщине: *tul qıl-сделать вдовой*; *erkegiñdi qul qılam, qatınıñdı küñ qılam, qızdarıñdı tul qılam-* (фольк.) твоих мужчин сделаю рабами, твоих женщин сделаю рабынями, твоих девушек сделаю вдовами [29]. Ср. *Qatunı tul qalmış(a)* - жена его вдовой осталась [30].

(б) Что касается слов *tura saqı*, то их можно было бы в таком сочетании принять как собственное имя, но мы перевели его так: защитник моего дома (или нашего жилища). Согласно Махмуду Кашгарскому, *tura* означает укрепленное жилище, крепость: *kayusı çerigda kılıc boldu/kayusı turada yulugda kañı-кто меч и секиру в военном ряду обнажает/а кто стареет в*

крепости (ождая) выкупа [31].

(в) слово saqı в рунических памятниках не зафиксировано, а выступает в значении заботиться, присматривать за кем-либо в гадательной книжке из Яр-Хото язык которой близок памятникам рунического письма [32]. Ср. У Махмуда Кашгарского: ol mendin sakındı – он остерегался меня [33].

Строка 2: Здесь все слова кроме qıtağı, переводятся довольно легко. Слово же qıtağı, хотя и не встречается в древнетюркских памятниках, но присутствует в «Кутагу Билиге» [34], и его можно, по-видимому, истолковать как *завет, завещание*.

Строка 3: Эта строка, несомненно, вызывает споры в отношении перевода и чтения, и особенно это касается трех последних слов. Ujalatma – это значит *своим родственникам*, сомнений здесь не возникает, что же касается слов ataça üküzçe, которые мы трактуем как *действовать как отец, как екіз*, то они, возможно, могут иметь и другой вариант дешифровки.

Таковы были наши первоначальные предварительные результаты изучения этого памятника. На сегодняшний день существует три варианта чтения и перевода этой надписи. После публикации нашей статьи С. Г. Кляшторный поздравив нас новой находкой, выразил свое желание опубликовать в «Советской тюркологии» совместную статью. Мы согласились и естественно при новой публикации должны были внести кое-какие поправки. И мы дали такое чтение и перевод:

(1) Кумар Чор(а) ер атым (2) кичиг кишим (а) тул калды (а) (3) турсук оглым (а) (4) еш кулы (а) сиз езіме (а) (5) уйалар умады (6) ат ач екіз ач (а).

«(1) Мое геройское имя Кумар Чор! (2) О моя младшая жена! Она вдовой осталась! (3) О мои сыновья оставшиеся (после меня)! (буквально: которым надлежит остаться!). (4) О его сподвижники и слуги! О мои кровные (5) родичи! Они не смогли (сберечь меня?)! [вариант: они не вынесли (горя)!]. (6) Кони изголодались (без хозяина)! Быки изголодались (без хозяина)!».

Ну теперь, давайте, дадим третий вариант, вариант А. С. Аманжолова: kiçig kişim (a) tul qaldı(a) tors(1)q ogl(1)m(a) (2)qum(a)r çur(a) (e)r at(1)m iş qulı(a) (e)siz özüm(a) (3)ıj(a)l(a)r umda (a)tça öküzçe

Перевод:

1. Моя маленькая жена осталась вдовой, (остался) мой сын-полненький малыш (букв. «турсук, бурдюк», ср. киргизск. *Турсук* «1. турсук, бурдюк для хранения и перевозки житкостей, кумыса; 2. *перен.* [о малыше] клош», казахск. *торсыктай* «полненький; цветущий, о ребенке»).

2. Кумар-Чур. Мое геройское имя-Иш-Кулы (букв. «Раб Друга»), увы, я сам!

3. У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волков [35].

Здесь я могу только поздравить своего товарища-коллегу и друга Алтая Сарсеновича с такой своеобразной интерпретацией и переводом. Но в то же время я не могу сказать, что его перевод - последний и правильный. Этого никто не может сказать. Кыргызы с давних времён говорили и сейчас говорят *улуу катын* «старшая жена, байбиче», *ортоңчу катын* «средняя жена, т. е. вторая жена» - *экинчи катын*. А что касается словосочетания *кичи катын* «младшая жена», то оно употреблялось в значении *токол*, при живой старшей жене и сегодня оно пользуется в речи кыргызов: *токолдун балдары* «дети младшей жены или младших жён». *Токолдукка алды* - взял в качестве младшей жены. Так говорят и у казахов. Поэтому словосочетание *кичи кышым* перевести как «Кичине катын» или «кишкине катын», т. е. маленькая жена нет никакой необходимости. И перевод 3-й строки: «У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волков» тоже не находит поддержку с нашей стороны. Поэтому думаем, что свои слова ещё скажут молодые тюркологи, возможно они предложат нам совсем другие, немислимые для нас суждения, и конечно новые переводы. Такова природа изучения таких памятников.

Это естественно. Мы знаем много примеров для подтверждения вышеуказанных суждений. Тайнственная надпись таласской деревянной палочки на сегодняшний день имеет около десяти вариантов перевода (С. Е. Малов, Х. О. Оркун, А. М. Щербак, Н. Ф. Турчанинов, А. С. Аманжолов, Т. Сулейменов, С. Сыдыков и др.). Или взять иссыкскую руноподобную надпись на серебряной чаше, найденную в 1970 году близ Алматы в раскопке сакского кургана под руководством археолога Кемаля Акишева [36]. Это сенсационное открытие под названием «Золотой человек» до сих пор удивляет исследователей своим богатым комплексом. Среди обнаруженных вещей много золотых украшений (более четырех тысяч). Но самое ценное для науки является, на наш взгляд, надпись, которая до сегодняшнего дня остается объектом спора и толкований в отношении принадлежности ее к той или иной системе письменности и способа чтения, перевода текста (рис. 12).

Одним из первых обратился к этому памятнику письменности выдающийся поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов, дал толкование (чтение) и перевод: «кхан уйа іч утызы жок булгы утыгси тозылты» т. е. «Кан улы жиырма іште жок болды. (Халыктын) атагы жойылды» Русский перевод гласит так: «Сын хана в двадцать три умер. Имя и слава [народа] иссякли» [37]. Тюрколог, проф. А. С. Аманжолов давая чтение и перевод в ином значении несколько раз ее опубликовал:

- (1) ³ga s³ηa oçuç=Aga, saηa oçuq!
«Старший брат, тебе (этот) очаг»
- (2) v³z çok voçun içr(?)ä ³z^uq...i
Bez, çok! Bokun içrâ[r?] azuq!...

«Чужой, опустишь на колени! [Да будет] у поколения пища!»

Свое чтение дал другой казахский филолог Толеш Сулейменов: *Баш кадам алтын Адам іш мыў жіз отыз бір нәгер тур алты Аша отыз екі ашаер жіз ту*, т. е. «Бас кадам, алтын Адам, іш мыў жіз отыз бір нәгер арасында алты тармак отыз екі атаныў батырлары жіз ту устап тур». По русски может выглядеть так: «Главный шаг (направление) золотой человек среди трёхтысяч тридцати одного нукера шесть родов, богатыри, тридцати двух отцов стоят держа знамя» [38].

Совсем по другому решает вопрос канд. ист. наук. А. Хасенов. Он читает надпись слева направо. Он говорил, что много лет тюркологи читают надпись справа на лево и не добились ничего спутного. Его чтение: «*Слур чура ал табанг кызит татшуши алты ер крышыш чуз бул*», т. е. по-казахски: «*Сулу Шора Алтабаў кызына таласушы алты ер кырылыскан су бул*» [39]. По русски значение может звучать в таком значении: «Это река (вода), где сражались и умерли шесть героев (богатырей, жигитов) за красавицы Шора, дочери Алтаба» (перевод вольный наш). Все это доказывает, что надпись ещё не получила своей «окончательной», более близкой к истине интерпретации. На сегодняшний день как нам известно имеется около шестнадцати вариантов перевода [40]. некоторые из них нами приведены здесь. Они все разные, хотя сделаны на казахский лад. Это не доказывает, что язык этой письменности-тюркский. Если прислушиваться мнению учёных-специалистов И. М. Дьяконова, В. А. Лившица, С. Г. Кляшторного, которые считают, что эта надпись выполнена алфавитом, еще неизвестным в науке, то естественно, что впереди ещё много проблем, гипотез, суждений в отношении языка памятника и какому народу он принадлежит.

На сегодняшний день по поводу интерпретации и переводов кочкорских надписей тоже имеются разногласия среди учёных. Встречающиеся в нескольких текстах слово официально было транскрибировано пятью исследователями (Ч. Джумагулов, Р. Алимов, С. Кляшторный, А. Аманжолов, И. Кызласов) по разному. У Джумагулова – Adıg on ok [41], у Алимова – Asıg on ok [42], у Кляшторного – Адык он ок [43], у Аманжолова – Сагунак [44], у Кызласова – Сыгунак [45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Каллаур В. А. Камень с древнетюркской надписью из Алиеатинского уезда. Оно было опубликовано в «Протоколе заседания общего собрания членов Туркестанского кружка любителей археологии», состоявшегося 11-го декабря 1896 года. Джумагулов Ч. Второй таласский памятник //Сб.: Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.) Ф., 1962. С. 23-27.
2. Плюских В. Письмо из VIII века // СК. 1982, 2 июля.
3. Плотников Б. «Послание седых веков» . Факт и комментарий // СК. 1982, 3 сентября.
4. Heihel H. S. Altertumer aus dem Tale des Talas in Turkestan (Travaux ethnographieues, VII). Helsinki. Vorvort. 1918.

5. Малов С. Е. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // Изв. АН СССР, Отд. Гуман. Наук, 1929, С. 799-806.
6. Мелиоранский П. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде // ЗВОРАО. -1899. –Т. XI, С. 271-272.
7. Nemeth J. Die köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas, körosi Csoma-Archiv. 1926. P. 140-141.
8. Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Изд. «Илим», Фр. 1971. С. 14.
9. Орхон-Енисей тексттери. «Илим» басмаканасы. Фр. 1982. 203-б.
10. Джумагулов Ч. По поводу одного памятника древнетюркской эпиграфики //Изв. АН Кир. ССР. 1984. №6. С. 52-58.
11. Джумагулов Ч., Карагулова Г. Новый древнетюркский памятник //Изв. АН Кир. ССР. 1978, ;1 С. 86; Джумагулов Ч., Кляшторный С. Г. Одиннадцатая руническая надпись на камне-валуне из долины реки Талас //СТ. 1982. №3. С. 86-88.
12. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы. «Мектеп». 2003. С. 90-161.
13. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 26.
14. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. I. М., 1973, С. 208-209.
15. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX Ии. Л., 1980. С. 18.
16. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 336, 581, 583; Абрамзон С. М. Киргизы. С. 51; его же. Об обычае усыновления у киргизов (по материалам эпоса «Манас») //Тр. ИЯЛИ КирФАН ССР. Вып. 2. 1948. С. 150; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 208.
17. Осмоналы Сыдыков. Тарых кыргыз Шадмания. Кыргыз санжырасы. Фр., 1990. С. 98.
18. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 868.
19. Кляшторный С. Г. О датировке таласских рунических памятников //Бартольдские чтения. 1981, год пятый: Тезисы докладов и сообщений. М., 1981. С. 48.
20. Древнетюркский словарь. М., 1969. С. 480.
21. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, кн. 1. СПб., 1911. С. 280.
22. Батманов И. А. Новые тексты. – В сб.: Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Фр., 1962. С. 15-16.
23. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии., Выпуск 2. Фр. 1982. с. 13-15. Его же. Уточненные таласские надписи. – В сб. Тюркологические исследования. Фр., 1983. с. 68-70.
24. Аманжолов Алтай. Түркі филологиясы және жазу тарихи. Алматы, «Санат», 1996. с. 45; Его же. История и теория древнетюркского письма., С. 90.
25. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959. С. 68.
26. Джумагулов Ч., Карагулова Г. Новый таласский древнетюркский памятник. Изв. АН Кирг. ССР, 1978, №1. С. 86-88.
27. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 764.
28. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951. С. 74.
29. См. Древнетюркский словарь. М., 1969. С. 587.
30. Древнетюркский словарь. М., 1969. С. 587.
31. Махмуд Кашгарский: «Дивани лугот-ит турк», Т. II, 151.
32. См. Древнетюркский словарь. М., 1969. С. 465.
33. Джумагулов Ч., Кляшторный С. Г. Одиннадцатая руническая надпись на камне-валуне из долины реки Талас. –Советская тюркология, 1982, №3, С.86-88.
34. Аманжолов Алтай. История и теория древнетюркского письма., С. 93.
35. Акишев Кемел, Махмудов Айдарбек. Көне заман жазуының сыры. Алтын киімді адам

Ч.Жумагулов. Некоторые вопросы интерпретации...

36. қабіріндегі жазу не айтады? «Қазақ әдебиеті». 23-июль, 1971-ж. С. 3-4; Акишев К. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. 1978. С. 38.
37. Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1975. С. 48-52; Көне таңбалар сырына үңілгенде. – Білім және еңбек. 1984, 1-январь; Пратюркская руноподобная надпись на серебряной чашечке. – История и теория., С. 217-222.
38. Сулейманов Олжас. Жетісудың көне жазбалары. – «Қазақ әдебиеті», 25-сентябрь. 1970-ж. С. 2-3; Серебряные письмены Золотого воина – «Техника молодежи», 1971, №7. С. 58-62.
39. Сулейманов Төлеш. Жетісу жазулары. – Білім және еңбек. 1982, №12, С. 11-12.
40. Хасенов Абдикерим. Есік жазуының сыры. - Білім және еңбек. 1983, №8, С. 22-23.
41. Баянов Арсен. Сокровища Золотого ябгу, или исторический детектив. Журнал «Almaty Guide» (« Алматы гайдн»), №8(21) октябрь, 2006, 2006, С. 41.
42. Çetin Cumagulov. Göktürk harfli yazıtların kırgıstandaki araştırması, muhafazı ve bugünkü durumu//Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten 2000, Ankara-2001. S. 73.
43. Rısbek Alimov kırgıstanda yeni bulunan runik harfli eski türk yazıtları hakkında ön bilgiler//Türk dili araştırmaları yıllığı. ... S. 5-10.
44. Кляшторный С. Г. Древние рунические надписи на центральном Тянь-Шане. _ Изв. Нац. АН респ. Казахстан, серия общественных наук 1 (230) январь-февраль. 2001 г.
45. Аманжолов Алтай. Чуйские рунические надписи. –История и теория древнетюркского письма..., С. 99.
46. Кызласов И. Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана. – материалы и исследования по археологии Кыргызстана. №1, 2007, С. 54-67.

REZUME

ZHUMAGULOV Ch. (Kirgizstan)

SOME QUESTIONS INTERPRETATION TALAS MONUMENTS OF THE ANCIENT TURKIC WRITING

In the state of the content of the two states of ancient runic inscriptions found on the shore of lake Talas and the fate of Talas's monuments.